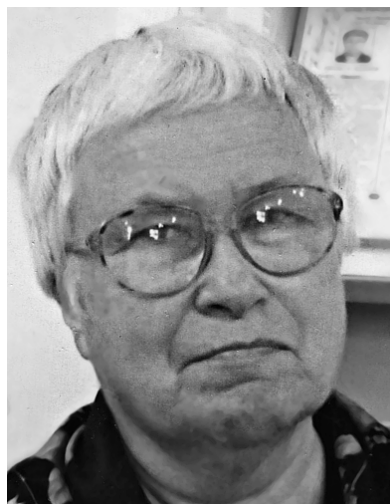

ТАТЬЯНА НОРЛАНДЕР

ПОД ВЗДОХИ НЕПРОСПАВШЕГОСЯ ВЕТРА...

ТАТЬЯНА НОРЛАНДЕР (род. в 1952 г. в Ленинграде) — поэт, прозаик, эссеист. После окончания средней школы занималась в ЛИТО Глеба Семёнова «Нарвская застава». В настоящее время живёт в Санкт-Петербурге, печатается в альманахе «Литературный Кисловодск». Любимые темы: природа, город, жизнь людей. Воспитывает сына-инвалида.

* * *

С горы хорошо были видны осенние леса. Совсем не печальные, скорее весёлые в своей отчаянной неистовой красоте. Это красота зрелой женщины, яркая, вызывающая, от ощущения скорого увядания.

Осенью в каждом дереве чувствуется страшное желание жить. Жить! Жить! Чтобы больше успеть. Чтобы больше красоты и любви познать, запомнить и передать молодым побегам перед тем как седина снегов упадёт на непокорную крону.

А звук! Осень... Как она звучит в прохладном сквозистом лесу:

— О-о-се-е-нь! О-о-о-се-ень! — Открытое небо. Молитва.

Весною нагие деревья, наполненные бродящими соками, красивы бесстыдно и беззаботно. Эта красота полна надежд на будущее. Только что отзвенели капли. Ранняя, переполненная талыми водами, тёплыми

ветрами весна звучит глуше, чем осень. Листьев ещё нет. Но воздух уже пьян от аромата почек, тяжёлых, влажных, покрытых готовой лопнуть кожицей. Так ждут родов, когда осталось всего несколько дней. Весна — это и есть роды. Роды новых листьев, новых веток, новой жизни...

* * *

Памяти мамы

Вернуться бы в детство. В воскресное осеннее утро, когда приехали с мамой на съёмную дачу, где вещи оставлены до следующего лета. Прибраться и, с разрешения хозяев, собрать в саду последние яблоки.

Мама на втором этаже, гремит посудой, а я замираю на солнышке, слушая, как с ёлок, оттаявших после ночного заморозка, падают капли. Капли сегодня везде: на ёлочных иголках, на яблоках, на каждой рябиновой ягоде. Всё светится, переливается, сияет. И тоненько, тоненько звенит. Не так, как весной, громко, уверенно, а совсем тихо, будто тайно.

Потом мы идём к большому лесному озеру. По дороге нам попадается много маленьких, иногда крошечных озёр. Все они настояны на лесных травах, похожи на крепкий чай и совершенно прозрачны.

Осенние озёра холодные, бездонные. В них прячутся память о прошедшем лете, опыт прошедшего лета, сила прошедшего лета. Большое озеро молчит и отражает нежаркое осеннее солнце. Вдоль берега медленно плывёт кленовый лист, на нём сидит паучок, видимо, путешествует, отдыхая от летних трудов. Выскочил на берег заяц, удивился, что в лесу ещё есть люди, постоял секунду столбиком и исчез.

Вернувшись на безлюдную дачу, перед отъездом, мы блаженствуем за чашкой горячего чая с домашним пирогом. На столе яблоки и кружечка брусники.

Не хочется в город, не хочется в школу, не хочется в зиму и в уже приближающуюся взрослую жизнь.

Где ты, моя мама? Где ты, моё детство? Где ты, моё лето?

* * *

Пила чай из трав и вспомнила, как однажды заночевала у знакомой, на втором этаже обомшелой от старости бревенчатой даче, на опушке леса.

В сентябрьской ночи слышались разные шорохи, поскрипывание, и даже чьё-то дыхание. Крикнула ночная птица, и звук утонул во влажных сумерках.

В комнате стояли сухие букеты, на столе лежала открытая книга — переводы японских трёхстиший, странно уместная в русской лесной избе.

Сени переполнял запах трав, которые мы принесли с лесной поляны и огорода да и бросили от усталости до утра.

Мой чай, много лет спустя, напомнил тот вечер в лесу.

Так очень часто через годы и расстояния протягиваются нити памяти.

Кажется, весь мир — переплетение этих нитей.

* * *

Осень. Дача в посёлке скучает.

Несмотря на прогноз, наугад

Дождь степенный неспешно шагает

Переулками сквозь листопад.

Куст бродяга в грязи у забора,

Не добравшись до дома, завяз,

Клён тряхнул головой и на тропке

Разложил свой последний пасьянс.

Хорошо бы в соседа влюбиться,
Обветшалый забор разломать,
И в молчащем саду на рассвете
Тайну яблока снова узнать.

* * *

Ещё не зима,
Но уже не осень.
Время так себе —
Прозимь.
Холодная серость
С небес обрушилась,
Запутала всё в недоверие.
Надежда, вера, любовь
Улетели к югу.
Боже мой!
Как далеко до апреля.

* * *

Мысль замёрзла в конверте,
Не помогает мне почта.
С каждым утром всё ближе
Снежное многоточие...
Многоточие — письма.
Многоточие — сны.
Многоточие в жизни
До самой весны.

* * *

В названиях всех месяцев есть звуки природы.
Январь — звонок и хрустящ от морозов.
Февраль — полёт пушистых хлопьев снега.
Март — промокший и тяжёлый от талых вод.
Апрель — веселье свежих ветров.
Май — безоглядно пьян от аромата лопающихся почек.
Июнь — певуч и беззаботен днём и ночью.
Июль — разомлел от жары среди душистых трав.

Август — шёпот созревающих плодов.
 Сентябрь — хрусталь утренних заморозков.
 Октябрь — грустные дожди и шорох листопада.
 Ноябрь — скользкие дороги, колючие ветра.
 Декабрь — скрип деревьев в морозных лесах
 и терпеливое ожидание света.

* * *

Холодным пламенем пылают кусты,
 И льдистая игла ночного заморозка
 Штопает рванину листьев,
 Неаккуратно зацепляя день.
 Потом швыряет, разочаровавшись,
 Своё шитьё...
 И всё под вздохи неспавшегося ветра
 Разлетается меж небом и землёй.
 Время поспешно убегает в прозиму.
 Его легонько пристукнуло антоновкой.
 Обидевшись, оно укоротило день
 И даже не взглянуло на грачей.

Они сидят, как люди «на дорожку»
У себя в прихожей перед отъездом
В командировку.
Снег. Ветер. Чай с вареньем. Лампа. Книги.
И Рождество!
Природа совершает рокировку.
И снова свет! И ветер не молчит!
И, наконец... Весна! Капель! Грачи!

* * *

Январь — ледяная вафля
С лимонной начинкой
Света фонарного,
С паром из дверей магазинов —
От забегаловки до элитарного.
Улиц морозная круговерть.
С остротой алкоголя, пряностей,
Мяты.
Тридцать первого числа
Этот коктейль
Опрокинуть в себя поскорей.
А дальше... Февра-а-ль!
Бокогре-е-й!

* * *

После ночи вьюжной,
Унылой неуверенности утра,
Чудный полдень:
Светло и тихо,
Иней серебрит деревья,
Над крышей фантазирует дымок.

И слышен мне сквозь воздух синий
Птиц торопливый говорок.

* * *

Вот апрель.
Капель и лужи.
Тёплый ветер разум кружит.
В небе дремлют облака.
Мир сиреневый слегка.
Хочется и встать, и сесть,
И бежать, и булку съесть,
Трещину заклеить скотчем
И влюбиться, между прочим.

* * *

Прибрежные сосны бережно опекают
Кустики черники, проросшие сквозь
Влажный гранит.
Дюны прошиты диким шиповником и осокой.
Все они здесь навечно.
Штормовые ветра и наводнения
Щадят их, уважая за верность,
Как тех, кого не привлекли в чужие края
Тепло и заморская благодать.
А Балтийское море
Время от времени
Неторопливо
Швыряет на побережье янтарь,
Дразня солнце.

В публикации использованы фотографии Д. Д. Ивашиной